

правильное направление в разработке секторного радиолокатора и благословлено бесперспективное немецкое.

Работы по созданию ЦРН, а с ними и всего «Беркута», были заведены в тупик.

ВЫХОД ИЗ ТУПИКА

Вернувшись с «совещания», я собрал всех, кто трудился над нашим вариантом. Объявил принятое главным конструктором решение. Сказал, что предстоит осваивать немецкий вариант, готовиться к настройке его опытных образцов. Слушали, сохраняя гробовую тишину: что произошло — поняли без объяснений. Только один, военный инженер, вдруг заявил: «Зачем же нас заставляли так много работать?». За меня ответили стоявшие с ним рядом: «Кто тебя заставлял? Видно ничего ты не понял». Я ограничился одной фразой: «Настоящая работа не пропадает». Действительно, не пропала.

Опытные образцы были изготовлены быстро. Все попытки заставить их заработать оставались безрезультатными. Ни у нас, ни у их авторов — немцев ничего не получалось.

А в это время на Кунцевском заводе генерал Борисов (из аппарата Совмина) проводил «раскручивающее» совещание, требовал быстрого развертывания серийного производства. Видимо, для того чтобы участвовавшие в совещании понимали особую серьезность обстановки, оно проводилось в ночное время, а его ведение генерал сопровождал постукиванием о край стола рукояткой вынутого из кобуры нагана. Елян и мы, сопровождавшие его на этом совещании, молчали. Понимали — заводу пере-

дана негодная документация. Но никакой другой документации еще не было.

Категорическое указание С. Берии — следовать предложению немцев — исключало все другие пути выхода из тупика, кроме как через самих немцев. И они такой выход предоставили. Неработоспособность немецкой аппаратуры вынудила ее авторов готовить новое предложение. Они оставили настройку опытных образцов нам, а сами, опять в тайне от нас, занимались только им.

Рассказал мне об этом работавший с немцами Юрий Николаевич Фигуровский, всего за полгода до того окончивший МЭИ. Молодого инженера возмутило, что немцы одновременно с противостоянием нам занялись плагиатом. Перехватив меня на нейтральной территории, Фигуровский рассказал, что немцы крадут у нас основные идеи, определявшие работоспособность и точность нашей аппаратуры, и срочно готовят новый макет систем

Ю. Н. Фигуровский

сопровождения. Вместе с тем, стремясь сохранить оригинальность, в качестве исполнительных элементов продолжают использовать заявленные с самого начала управляемые кварцевые генераторы. Отказаться от них, преподносившихся Эйценбергером в качестве «изюминки» немецкого проекта, немцы так и не решились.

Готовившийся немцами компромиссный вариант не был лучшим решением. Но он позволял вывести раз-

работку ЦРН из тупика. Неудачный опыт нашей первой критики немецкой разработки, когда наше предложение выступало альтернативой немецкому, подсказывал: следует умолчать о плагиате и нам самим предложить немедленно перейти к новому «немецкому» варианту. Так и было сделано. Расплетин обратился к С. Берии, и новое «немецкое» предложение было принято сразу.

Для работы над теперь уже общим, нашим и немцев, построением систем сопровождения все их разработчики — и наши, и немцы — были собраны в единый коллектив под моим началом. На этом отдельное подразделение, где до того трудились немецкие специалисты, свое существование прекратило. Оно влилось в общий коллектив разработчиков ЦРН.

Первым делом следовало просмотреть задания, подготовленные немцами для передачи в конструкторское бюро, и, при необходимости, внести в них те или иные исправления. Я — за письменным столом, за спиной — стена. Рядом — переводчица, все та же Анна Николаевна. По левую руку от меня, опершись о стену, понаблюдать за моим первым разговором с немцами устроился Панфилов, теперь уже начальник всего объединенного подразделения. И, оказалось, не зря.

Панфилов последовательно приглашал немцев с подготовленными ими заданиями на конструирование — электрическими схемами. Я знакомился с очередным приглашенным. Просматривая схемы, предлагал и тут же согласовывал необходимые поправки. Разговаривал с помощью Анны Николаевны. Все шло нормально. Но вот третьим или четвертым вызвали Байера. Высокий, стройный, подтянутый, с надменным взглядом, видимо, в прошлом кадровый офицер, он ни слова не понимал (или делал вид, что не понимал) по-русски. Сел на угол моего

стола и на все мои вопросы и замечания отвечал nicht (нет)!

Не отпуская Байера, Панфилов вызвал еще одного немца. Это был доктор Фаульштих. Полная противоположность Байеру, сугубо штатский, мягкий, улыбочивый. В группе Эйценбергера Фаульштих был наиболее квалифицированным инженером. К тому же хорошо говорил по-русски: способный к языкам он освоил русский, активно общаясь со спутниками в электричке по пути от дома до прежнего места работы. Взаимопонимание с Фаульштихом установилось сразу. Мои замечания Байеру он воспринял с хода. Что-то сказал строптивому немцу, и тот ушел вносить необходимые исправления. Затем обсудили задание, подготовленное самим Фаульштихом. Материалы, представлявшие остальные немцами, просматривали уже совместно, при полном взаимопонимании. Фаульштих стал фактическим лидером немецкой группы.

Компромиссный «немецкий» вариант систем сопровождения стал окончательным, пошедшим в серийное производство. Проблема синхронизации кварцев преследовала нас на всех этапах разработки, а затем и при эксплуатации штатных подмосковных объектов. При первой же модернизации системы (одновременно с вводом в ЦРН аппаратуры селекции движущихся целей) кварцевые исполнительные элементы были изъяты из радиолокатора, заменены на схемы управляемой электронной задержки на обычных элементах.

Выпуск конструкторской документации и последующее изготовление головных образцов новых систем сопровождения, как и все работы по «Беркуту», были выполнены нашими конструкторами и опытным производством в небывало короткие сроки. Уже в первых числах мая конструкторский отдел направил новую

документацию одновременно и в наше опытное производство и на Кунцевский серийный завод, а в первой половине июня наши инженеры и немцы совместно настраивали и проверяли на соответствие требованиям изготовленные опытным производством узлы систем сопровождения.

К 20 июня первый стрельбовый канал — все системы сопровождения цели и ракеты и счетно-решающий прибор выработки управляющих ракетой команд (конструктивно все они размещались в общей стойке) — стоял на комплексном стенде. Чтобы убедиться, что все задуманное состоялось, его общую настройку и проверку на соответствие требованиям технических условий я выполнил сам. Все получилось. Я обратился к Фаульштиху: «Все нормально. Если бы без кварцев, было бы совсем хорошо». Фаульштих только развел руками: «Я этим не занимался. Это было делом других».

НА КОНТРОЛЬНЫХ ИСПЫТАНИЯХ ЦРН

Контрольные испытания опытного образца ЦРН перед его отправкой на стрельбы, как и испытания экспериментального ЦРН, проводились в Жуковском, на общей площадке. Продолжались они с конца июня до середины сентября 1952 г. Ответственным руководителем этих и последующих стрельбовых испытаний зенитного ракетного комплекса на специальном полигоне, в Капустином Яру был назначен заместитель начальника ТГУ Валерий Дмитриевич Калмыков. Техническое руководство испытаниями возглавил Расплетин. Заместителем технического руководителя был Минц. Все они выехали в Жуковский 24 июня и находились на испытаниях практически непрерывно.